

**Стендаль**

**Собрание сочинений в  
пятнадцати томах**

**Том 13. Жизнь Анри Брюллара.**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84  
С79

**Стендаль Ф.**  
С79 Собрание сочинений в пятнадцати томах: Том 13. Жизнь Анри Брюллара. /  
Стендаль – М.: Книга по Требованию, 2021. – 460 с.

**ISBN 978-5-458-50271-9**

Стендаль - один из тех писателей, кто составил славу французской литературы XIX века. Его перу принадлежат "Пармская обитель", "Люсьен Левель", "Ванина Ванини", вершиной же творчества писателя стал роман "Красное и черное".

**ISBN 978-5-458-50271-9**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

[www.samizday.ru/reprint](http://www.samizday.ru/reprint)



Я, Анри Брюлар, написал нижеследующее в Риме от 1832 до 1836 года.

I

Сегодня утром, 16 октября 1832 года, я был в Сан-Пьетро-ин-Монторио, на Яникуле, в Риме. Солнце грело восхитительно; легкий, еле заметный ветерок сирокко гнал несколько белых облачков над горой Альбано; в воздухе была разлита чудесная теплота, и я ощущал радость жизни. Были ясно видны Фраскати и Кагель-Гандольфо, в четырех лье отсюда, а также вилла Альдобрандини, где находится великолепная фреска «Юдифь» Доменикино. Я отчетливо вижу выбеленную стену — результат ремонта, произведенного в последний раз князем Ф. Боргезе, тем самым, которого я видел при Ваграме полковником кирасир в день, когда моему другу де М... оторвало ногу. Гораздо дальше я различаю скалу Палестрины и белое здание Кагель-Сан-Пьетро, служившее когда-то крепостью. Под стеною, к которой я прислонился, — большие апельсиновые деревья сада Капуцинов, затем — Тибр и Мальтийское приорство, а немного дальше, по правую руку, — гробница Цецилии Метеллы, Сан-Паоло и пирамида Цестия. Прямо перед собою я вижу Санта-Мария-Маджоре и длинные линии палаццо Монте-Кавалло. Весь древний и новый Рим, от древней Аппиевой дороги с развалинами ее гробниц и акведуков до великолепного сада Пинчо, разбитого французами, развертывается перед взором.

Это место — единственное в мире, говорил я себе в раздумье; и древний Рим помимо моей воли брал верх над новым,— все воспоминания из Тита Ливия толпой нахлынули на меня. На горе Альбано, налево от монастыря, я различал Луга Аннибала.

Какой великолепный вид! В продолжение двух с половиной веков здесь восхищались «Преображением» Рафаэля. Как непохоже это на унылую галерею из серого мрамора, в недрах Ватикана, где она теперь погребена! Итак, двести пятьдесят лет этот шедевр находился здесь, двести пятьдесят лет!.. Ах!.. Через три месяца мне будет пятьдесят лет,— возможно ли? 1783, 1793, 1803, я считаю по пальцам... и 1833, пятьдесят. Возможно ли! Пятьдесят! Мне стукнет пятьдесят лет; и я запел арию Гретри:

Прожив полсотни лет на свете...

Это неожиданное открытие ничуть не огорчило меня: я только что думал об Аннибале и римлянах. Более великие, чем я, умерли... В конце концов, сказал я себе, я не так уж плохо провел свою жизнь. Провел! Ах! Это значит, что случай не послал мне слишком много несчастий, так как, по правде говоря, разве я хоть сколько-нибудь управлял своей жизнью?

Влюбиться в фрейлейн фон Грисгейм! На что я мог надеяться от благородной девицы, дочери генерала, бывшего в милости два месяца перед тем, до битвы при Иене! Бришо был вполне прав, когда говорил мне со своей злой насмешливостью: «Когда любишь женщину, то спрашиваешь себя: чего ты от нее хочешь?»

Я присел на ступеньки Сан-Пьетро и размышлял об этом час или два: мне стукнет пятьдесят лет, давно бы пора познать себя. Чем я был, чем я стал теперь,— поистине мне было бы трудно на это ответить.

Я слышу человеком очень остроумным и очень бесчувственным, даже безнравственным, и, однако, я всегда был жертвой какой-либо несчастной любви. Я безумно любил мадмуазель Кюбли, фрейлейн фон Грисгейм, г-жу Дифорц, Метильду, и не обладал ни

одною из них, а многие из этих увлечений длились по три или четыре года. Метильда совершенно заполнила мою жизнь от 1818 до 1824 года. И до сих пор я еще не излечился, прибавил я, промечтав о ней, пожалуй, добрые четверть часа. Любила ли она меня?

Я трепетал, я переживал молитвенный экстаз. А Манти? В какую скорбь она меня повергла, бросив меня! Дрожь пробежала у меня по телу, когда я вспомнил о 15 сентября 1826 года в Сан-Ремо, по моем возвращении из Англии. Какой год провел я с 15 сентября 1826 по 15 сентября 1827 года! В день этой ужасной годовщины я был на острове Иския. И я заметил значительное улучшение; вместо того чтобы думать непосредственно о своем несчастье, как за несколько месяцев перед тем, я думал только о *воспоминании* о том несчастном состоянии, в котором был погружен, например, в октябре 1826 года. Это наблюдение меня весьма утешило.

Чем же я был? Я не мог бы этого сказать. Какого друга, как бы хорошо он ни знал меня, могу я об этом спросить? Сам ди Фьоре не мог бы мне помочь. Какому другу сказал я когда-либо хоть слово о своих любовных печалях?

Особенно удивительно и особенно печально, говорил я себе сегодня утром, то, что мои *победы* (как я называл их тогда, еще полный военных представлений) не доставили мне удовольствия, которое равнялось бы хоть половине того глубокого страдания, какое причинили мне мои поражения.

Поразительная победа над Манти не доставила мне удовольствия, равного сотой доле страдания, которое Манти причинила мне, променяв меня на г-на де Бопье. А может быть, у меня мрачный характер?..

И тогда, не зная, что ответить, я незаметно для себя принялся снова любоваться прекрасным зрелищем развалин Рима и его современного величия: расположенным прямо передо мной Колизеем, лежащим у моих ног палаццо Фарнезе с его превосходной сводчатой галереей нового искусства и тоже лежащим подо мной палаццо Корсини.

Был ли я умен? Были ли у меня какие-нибудь таланты? Г-н Дарю говорил, что я невежествен, как

чурбан; да, но это его мнение было мне доложено Марестом, а нужно сказать, что мой веселый характер вызывал зависть у этого угрюмого бывшего главного секретаря Безансона. Но действительно ли у меня был веселый характер?

Я спустился с Яникула только тогда, когда легкий вечерний туман предупредил, что скоро меня охватит неприятная и нездоровая внезапная прохлада, которая в этих местах наступает сразу после захода солнца. Я поспешил вернуться в палатку Конти (на Пьяцца Минерва), разбитый усталостью. На мне были панталоны из белого английского..., и я записал на поясе, внутри: «16 октября 1832 года мне стукнет пятьдесят лет», но сокращенно, так, чтобы никто не мог понять: «М. нестук. 5».

К ночи, возвращаясь домой после довольно скучного вечера у посла, я сказал себе: «Я должен написать историю своей жизни; может быть, когда она будет написана, я наконец узнаю, какой я был,— веселый или печальный, умный или глупый, храбрый или трусливый, и, главное, счастливый или несчастливый; хорошо бы дать прочесть эту рукопись ди Фьоре».

Эта мысль меня соблазнила. Да, но сколько там будет ужасных «я»! Есть на что рассердиться самому добродушному читателю: все «я» да «я»,— если не говорить о таланте, совсем как у Шатобриана, этого короля *эготистов*.

Опять ты «я» со «мною» усердно сочетаешь\*.

Каждый раз, когда я читаю одну из этих страниц, я повторяю себе этот стих. Правда, можно было бы писать в третьем лице: «он» сделал, «он» сказал; но как показать внутренние движения души? Об этом я больше всего хотел бы посоветоваться с ди Фьоре.

Продолжаю лишь 23 ноября 1835 года. Та же мысль описать свою жизнь явилась у меня во время

---

\* Перевод всех стихотворных отрывков в этом томе сделан М. Е. Левберг.

путешествия в Равенну; по правде сказать, я думал об этом много раз, начиная с 1832 года, но меня всегда пугала эта ужасающая трудность — избежать множества «я», способных вызвать ненависть к автору; я не чувствую в себе таланта, чтобы преодолеть эту трудность. По правде сказать, я менее всего уверен в том, что обладаю хоть каким-нибудь талантом, чтобы заставить читать меня. Иногда я испытываю большое удовольствие от писания, вот и все.

Если существует загробный мир, я непременно повидеюсь с Монтескье; если он мне скажет: «Мой бедный друг, вы были лишены какого-либо таланта», — я буду огорчен, но несколько не удивлюсь. Я часто чувствую это: какой глаз может видеть самого себя? Всего три года тому назад я открыл причину этого.

Я вижу ясно, что многие писатели, пользующиеся большой славой, крайне плохи. То, что было бы богоульством сказать сейчас о Шатобриане (подобии Бальзака), станет трюизмом в 1880 году. Я никогда не менял своего мнения об этом Бальзаке: «Дух христианства» Шатобриана, когда он появился около 1803 года, показался мне нелепостью. Но понимание недостатков у других означает ли наличие таланта у самого себя? Известно, что самые плохие живописцы отлично видят недостатки у своих товарищей: Энгр вполне прав в своих суждениях о Гро, как и Гро в своих суждениях об Энгре (я беру тех, о ком, быть может, еще будут говорить в 1935 году).

Вот соображение, успокоившее меня относительно этих мемуаров: допустим, что я буду продолжать писать эти заметки и, закончив, не сожгу их; я завещаю их не другу, который может стать ханжой или продаться какой-нибудь партии, как этот простак Томас Мур, а завещаю ее какому-нибудь издателю, например Левавассеру (на Вандомской площади в Париже).

И вот издатель получит после меня толстенную тетрадь, исписанную моим отвратительным почерком. Он даст кому-нибудь переписать из нее кусочек и прочтет его; если он покажется ему скучным и если ни-

кто больше не будет говорить о г-не де Стендале, он оставит в покое этот хлам, который, может быть, будет снова раскопан через двести лет, вроде мемуаров Бенвенуто Челлини.

Если он напечатает и произведение покажется публике скучным, то через тридцать лет о нем будут говорить, как нынче говорят о поэме «Мореплавание» шпиона Эменара, который так часто был предметом разговоров на завтраках у Дарю в 1802 году. И вдобавок этот шпион был, кажется, цензором или директором всех журналов, которые каждую неделю паффировали (от *to puff* \*) его до крайних пределов. Это был тогдашний Сальванди, еще более бесстыдный, если это можно себе представить, но более богатый мыслями.

Итак, если эти «я» слишком надоедят читателю, моя «Исповедь» перестанет существовать через тридцать лет после ее напечатания; и все же я получу удовольствие от ее писания и от глубокой внутренней самопроверки. Кроме того, если она будет иметь успех, то есть шансы, что в 1900 году меня будут читать души, которые милы мне, например, г-жа Роллан, Мелани Гильберт, или...

Сегодня, 24 ноября 1835 года, я, представьте себе, вернулся из Сикстинской капеллы, где не получил никакого удовольствия, хотя и запасся хорошей подзорной трубкой для рассматривания сводов и «Страшного суда» Микеланджело; но чрезмерное количество кофе, выпитого мною позавчера у Каэтани из-за машинки, привезенной его братом из Лондона, вызвало у меня расстройство нервов. Слишком хорошая машинка. Это чересчур отличный кофе — вексель в пользу настоящего за счет счастья в будущем — привел меня в прежнее мое состояние, и в Сикстинской капелле я чувствовал себя совсем отупевшим. Воображение бездействовало. Я любовался драпировкой из золотой парчи, написанной фресками рядом с большим папским креслом из орехового дерева. Эта драпировка, носящая имя папы Сикста IV, находится в двух футах от глаз, до нее можно дотро-

---

\* Раздувать, рекламировать (англ.).

нуться, и она кажется настоящей даже через триста пятьдесят четыре года.

Неспособный ни на что, даже на то, чтобы писать официальные письма по долгу службы, я велел затопить камин и пишу это, как мне кажется, без всякого притворства, ничего не придумывая, с тем удовольствием, с каким пишут письмо другу. Каковы будут мысли этого друга в 1880 году? Как сильно они будут отличаться от наших? В настоящее время для большинства моих знакомых чудовищным безрассудством, безумием представляются эти две идеи: «величайший плут из королей» и «лицемерный татарин», в соединении с двумя именами, написать которые я не смею; в 1880 году эти оценки будут трюизмами, повторять которые не решатся даже Кератри тех времен. Для меня это нечто новое: обращаться к людям, образа мыслей которых я совершенно не знаю, как и характера их воспитания, их предрассудков, религии! Какое поощрение к тому, чтобы быть *правдивым*, а ведь только простая *правдивость* выдерживает испытание. Бенвенуто был *правдив*, и его читаешь с удовольствием, как будто это было написано только вчера, в то время как пропускаешь целые страницы этого иезуита Мармонтеля, который, однако, принимает всевозможные предосторожности, чтобы не вызвать неудовольствия, как настоящий академик. В Ливорно я не пожелал купить его мемуаров по двадцать су за том — я, который обожает такого рода произведения.

Но сколько нужно предосторожностей, чтобы не солгать!

Например, в начале первой главы есть слова, которые можно принять за бахвальство: нет, мой читатель, я не был солдатом при Ваграме в 1809 году.

Надо вам сказать, что за сорок пять лет до ваших дней быть наполеоновским солдатом считалось модным. Следовательно, теперь, в 1835 году, намекнуть косвенно, без прямой лжи (*jesuitico more* \*), на то, что ты был солдатом при Ваграме, — это ложь, вполне заслуживающая быть написанной.

---

\* На иезуитский лад (*лат.*).

В действительности я был вахмистром и сублейтенантом в 6-м драгунском полку при вступлении его в Италию, кажется, в мае 1800 года, и подал в отставку во время краткого мира 1803 года. Мне крайне надоели мои товарищи, и я находил, что нет ничего лучше, как жить в Париже *философом* (этим словом я в то время пользовался наедине с собой) на сто пятьдесят франков в месяц, которые присылал мне отец. Я полагал, что буду иметь после его смерти в два или в дважды два раза больше; при той жажде знания, которая меня тогда сжигала, этого было более чем достаточно.

Я не стал полковником, хотя и мог бы им стать при могущественной протекции графа Дарю, моего кузена, но, мне кажется, без этого я жил гораздо более счастливо. Вскоре я перестал изучать Тюренна и пытаться подражать ему, что было моей постоянной целью в течение трех лет, пока я был драгуном. Иногда с этой мыслью боролась другая: писать комедии подобно Мольеру и жить с актрисой. Уже в ту пору я испытывал смертельное отвращение к приличным женщинам и к лицемерию, которое им присуще. Моя чрезвычайная лень одержала верх: приехав в Париж, я по полгода не делал визитов моим родственникам (г-ну Дарю, г-же Лебрен, г-ну и г-же де Бор), все время говоря себе: «Успею завтра». Так я провел два года на шестом этаже улицы д'Анживилье, в квартире с прекрасным видом на Луврскую колоннаду, читая Лабрюйера, Монтеня и Ж.-Ж. Руссо, напыщенность которого вскоре стала меня раздражать. Там сложился мой характер. Я усиленно читал также трагедии Альфьери, заставляя себя находить в этом удовольствие, благоговел перед Кабанисом, Траси и Ж.-Б. Сеем; я часто читал Кабаниса, неясный язык которого приводил меня в отчаяние. Я вел одинокую и взбалмошную жизнь, как испанец, за тысячу лье от действительной жизни. Добрый отец Иеки, ирландец, давал мне уроки английского языка, но я не делал никаких успехов; я был без ума от «Гамлета».

Но я уклоняюсь в сторону, теряю нить и рискую стать непонятым, если не буду придерживаться хро-

нологического порядка, а, кроме того, не так хорошо буду припоминать события.

Итак, при Ваграме в 1809 году я не был военным, а, напротив, помощником военного комиссара, в должности, на которую меня определил мой кузен Дарю, чтобы *извлечь меня из порока*, выражаясь языком моей семьи. Ибо моя отшельническая жизнь на улице д'Анживилье кончилась тем, что я прожил год в Марселе с очаровательной актрисой, питавшей самые возвышенные чувства и ни разу не получившей от меня ни одного су.

Впрочем, для этого имелась весьма важная причина — та, что мой отец все время выдавал мне по сто пятьдесят франков в месяц, на которые нужно было жить, а в Марселе в 1805 году даже эта сумма выплачивалась крайне неаккуратно.

Но я снова уклоняюсь. В октябре 1806 года, после Иены, я стал помощником военного комиссара — должность, презираемая солдатами, в 1810 году, 3 августа, — аудитором Государственного совета, а через несколько дней — главным инспектором коронной движимости. Я был в милости — не у повелителя (Наполеон не разговаривал с глупцами моего сорта), но на очень хорошем счету у лучшего из людей, герцога Фриульского (Дюрока). Но я уклоняюсь в сторону.

## II

Я пал вместе с Наполеоном в апреле 1814 года. Я приехал в Италию, чтобы жить, как на улице д'Анживилье. В 1821 году я покинул Милан в полном отчаянии из-за Метильды, серьезно подумывая о том, чтобы застрелиться. Вначале все было мне противно в Париже; затем я стал писать, чтобы развлечься; Метильда умерла, следовательно, незачем было возвращаться в Милан. Я обрел полную безмятежность; это слишком сильно сказано, но все же я был достаточно счастлив в 1830 году, когда писал «Красное и черное».

Я был восхищен июльскими событиями, я видел пули под колоннадой Французского театра, подвергаясь очень небольшому риску. Никогда не забуду

этого яркого солнца, когда я впервые увидел трехцветное знамя, 29 или 30 июля, около восьми часов утра, после ночи, проведенной у командора Пинто, племянница которого сильно перепугалась. 25 сентября я был назначен консулом в Триест г-ном Моле, которого до тех пор ни разу не видал. Из Триеста в 1831 году я перебрался в Чивита-Веккью, затем в Рим, где нахожусь до сих пор и скучаю, не имея возможности ни с кем обмениваться мыслями. Мне необходимо от времени до времени беседовать по вечерам с умными людьми; когда я лишен такой возможности, мне кажется, что я задыхаюсь.

Итак, вот главные разделы моего повествования: родился в 1783 году, драгун в 1800, учение с 1803 по 1806. В 1806 году — помощник военного комиссара, интендант в Брауншвейге. В 1809 году подбираю раненых под Эслингом и Ваграмом, выполняю поручения вдоль Дуная, на его оснеженных берегах, в Линце и Пассау, влюблен в графиню Дарю, ходатайствую о посылке меня в Испанию, чтобы свидеться с ней. 3 августа 1810 года назначен ею или почти что ею аудитором Государственного совета. Это почетное существование, связанное с большими расходами, приводит меня в Москву, делает меня интендантом в Сагане, в Силезии, и, наконец, приводит к падению в апреле 1814 года. Кто бы поверил этому! Лично мне это падение доставило только удовольствие.

После падения — научные занятия, писательская деятельность; я безумно влюбляюсь, печатаю в 1817 году «Историю живописи в Италии»; мой отец, ставший «ультра», разоряется и умирает, кажется, в 1819 году; я возвращаюсь в Париж в июне 1821 года. Метильда доводит меня до отчаяния, она умирает, я предпочитал видеть ее мертвой, чем неверной; я пишу, утешаюсь и счастлив. В 1830 году, в сентябре месяце, я снова поступаю на административную службу, на которой состою до сих пор, с сожалением вспоминая о писательской жизни на четвертом этаже отеля Валуа, по улице Ришелье, № 71.

Я стал остроумцем с зимы 1826 года; до того я молчал по лени. Кажется, я слышу за самого весело-